

ЗИНАИДА ГИППИУС

ДАВИД

Зинаида Николаевна Гиппиус

Давид

Аннотация

«Имени я не назову. Положим, имя и самого человека, давно все забыли... а вдруг кому-нибудь вспомнится? Это было бы против его воли. Из его воли выходит не хочу. Он мне нравится, хотя очень, по-моему, непонятен. Расскажу о наших встречах, как сумею. Попроще...»

Зинаида Гиппиус

Давид

Толпа вошла, толпа вломилась...

Тютчев

Имени я не назову. Положим, имя и самого человека, давно все забыли... а вдруг кому-нибудь вспомнится? Это было бы против его воли. Из его воли выходит не хочу. Он мне нравится, хотя очень, по-моему, непонятен. Расскажу о наших встречах, как сумею. Попроще.

Впервые я увидел его еще «вундеркиндом». Но и вундеркиндом он был на других не похожим.

Единственный сын богатого венского коммерсанта, г-на Ш. Еврейская семья, – не старозаветная, культурная, однако не без традиций. Дом у них, под самой Веной, был удивительный: исторический, говорил г-н Ш. Кажется – дворец-вилла какого-то знаменитого придворного вельможи. Г. Ш., отделявая его, очень заботился о сохранении стиля. И были красивы, по-своему, пустоватые залы, прямые углы, высокие окна. За окнами шумел темный сад.

Сам г-н Ш., симпатичный, плотный, жизнерадостный, всегда был весел. Болезненная жена его куталась в шаль, говорила плачущим голосом. Хозяйничала и распоряжалась – Мальвина, старшая дочь. С первого взгляда на ее некрасивое, энергичное лицо, можно было сказать, что это – ста-

рая дева. Она точно старой девой и родилась. Я, вначале удивлялся: редкость в еврейской семье! Но потом понял, что Мальвине и незачем было выходить замуж: у нее уже было дитя – Давид.

Когда в первый раз отец подвел ко мне, держа за руку, этого коротконового, большеносого двенадцатилетнего мальчика, – я почему-то смутился. Я тогда немногими годами был его старше; но тут почувствовал себя сразу: и очень «взрослым», и совсем глупым ребенком. Должно быть, смутили глаза: такие черные-черные, что зрачка не видно, серьезные и нежные, – непонятные. От них и все лицо казалось нежно-серьезным, непонятным.

Я уже знал раньше кое-что о Давиде: учится дома, к нему ездят учителя. И, главное: он музыкант. Но о музыке с ним говорить нельзя. Почему нельзя? Отец засмеялся: «Так. Не любит. Дичок. Но не думайте. Не дилетант, о! Под руководством Z., лучшего венского профессора...» Я скоро убедился, что Давид – гордость и кумир всей семьи. Но странно: никакой избалованности в нем не чувствовалось. Семейное поклонение стыдило его; но что бы ни говорили, – не возражал, словно боясь причинить боль.

«Дичком» отец назвал его напрасно; он быстро подружился со мной, и мы, забравшись в сад, подолгу с ним болтали. Не о музыке, правда: я помнил предупреждение. Игры Давида я никогда не слышал. Внизу и рояля не было. От отца я знал, что во втором этаже есть свой зал и свой Бехштейн.

Толстые стены дома звуков вниз не пропускают.

Итак, – с веселым Давидом мы говорили обо всем, кроме музыки. Иной раз он казался самым обыкновенным мальчиком: стругал палки, бегал, даже на деревья лазал.

Но как-то, в сумерках, застал я его в саду, тихо сидящего на скамейке, одного.

– О чем мечтаете? – спросил шутливо.

– Я? Нет, так. Я никогда не мечтаю. Так, думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.